

ТОМАС АЛКЕМЕЙЕР

Стройные и упругие: политическая история физической культуры¹

Современный человек сейчас видит в открытом пространстве то, что в 1960-х было еще незаметным: бегунов, которые набирают свои километры в ярких, словно на выставке, спортивных костюмах; роллеров, взлетающих на очередном повороте виртуозного слалома; скейтеров, ловко подскакивающих по ступеням в переходе; людей всех возрастов, которые занимаются на тренажерах за стеклянными витринами фитнес-клубов. Почему же за сорок лет так переменялось отношение к спорту? Главное — по-другому стало пониматься тело, телесные практики и формы их представления. Тела вновь высыпали на улицу, покинув узкие стены частной жизни, равно как и замкнутые пространства гимнастических залов и танцевальных клубов. Демонстрация тела — это новая игра больших городов, это канон новой сексуальности, породивший уже навязчивое обилие новых впечатлений². Пирсинг и тату, диеты и пластические операции, фитнес и экстремальный спорт — все это техники практического осуществления любых представлений о теле. Сформировалась целая индустрия тела, которая обходится с ним как с машиной: обслуживает его, чинит и совершенствует. Маркетинговое исследование деятельности различных отраслей, проведенное Международной ассоциацией здоровья, теннисных и спортивных клубов (IHRSA) в 2006 году, показало, что в Германии около семи миллионов человек занимаются в фитнес-центрах. Это около 8,5% населения, а еще один миллион немцев — участники футбольных союзов.

¹ Thomas Alkemeyer, *Aufrecht und biegsam. Eine politische Geschichte des Körperkults*. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hg.): *Aus Politik und Zeitgeschichte* (APuZ 18 / 2007). SS. 6 – 18.

² См.: Gunter Gebauer u. a., *Treue zum Stil*, Bielefeld 2004.

Тело как символ

Откуда возникает эта неуемная забота о теле? Не следует подменять ответ рассмотрением исторического смысла тела как статусного символа, как средства принудительного осмысления реальности внутренних отношений. В традиционных обществах Европы тело рассматривается как место, где естественные способности лица только и могут выявиться. При переходе к современной представительной демократии тело стало медиумом символического выражения. Если раньше именно человеческое тело заявляло о социальном неравенстве, то в буржуазном обществе такие заявления воспринимались как патологические. Сразу же развернулась тяжкая социальная и политическая борьба за «естественное равенство» тел. Теперь у тел появилась другая функция — выражать внешним образом сокровенные глубины «характера». Тело как «сцена личной идентичности» (!)³ само должно было стать продуктом индивидуальной *тренировки*. Очевидные черты тела теперь зависели от поведения данного лица — от его нравственности, готовности принуждать себя и строгости к себе. Но с появлением идеи естественного равенства тел возникла и новая система неравенства: порядок символических различий, который стал разграничивать тела, представленные как равные, на другом, много более тонком основании. Когда социальную границу отмечал только темный костюм и белая манишка и низшие классы стали тянуться к высшим, воспроизводя тот же стиль одежды, появилась новая стратегия различения, вся состоящая из деталей: важен теперь был материал, покрой, изящество галстука, а равно и свобода и непринужденность жестов. Символическое маркирование социальных различий озаботило слишком многих. И вся эта неизбывная забота заключена всего лишь в новом понимании тела как *места*, которое нуждается в уходе, обустройстве и улучшении.

Долгое время буржуазная культура понималась прежде всего как культура устного и печатного слова. Новейшие исследования истории тела показывают, что для буржуазной идентичности был важен внешний вид, обхождение и поведение. Первейший признак буржуазности — множество книг по этикету, а также с советами на все случаи жизни, которые были известны любому горожанину с начала XVIII века. В этих книгах обсуждались вопросы, как сделать свое поведение соответствующим общему стилю. Таким образом, тело стало самой видной сценой для отработки и показа буржуазного самосознания. Буржуазия была новым и неустойчивым классом: с одной стороны, она настаивала на своих собственных принципах жизни, а с другой — невольно равнялась на пример дворянства, противопоставляя себя людям из низов. А значит, буржуа гордились телом не меньше, чем своим трудом, и стре-

³ Gunter Gebauer, Ausdruck und Einbildung. In: Dietmar Kamper / Christoph Wulf (Hrsg.), Die Wiederkehr des Körpers, Frankfurt / M. 1982. S. 318.

мились к особой цивильности, рафинированности всех жестов, чтобы подчеркнуть, порой даже с излишком, свою мнимую аристократичность. Физически развитые, здоровые тела должны были показать моральное превосходство над другими их буржуазными обладателями. Было введено множество эстетических норм, множество правил здорового образа жизни, физкультура и диета. Буржуазия, чувствуя себя на подъеме, обратилась к античному идеалу телесной красоты, приспособив его к современности и проясняя его в сторону принципов собственного самоутверждения.

Язык тела стал орудием классовой борьбы за символическое превосходство. Важнейшую роль в этой борьбе сыграла здоровая ходьба⁴. Буржуазия стремилась к лучшему будущему и быстро усвоила, как нужно всем своим видом показывать торжество своего класса. Правильно поставленная походка, высоко поднятая голова и слегка рассеянный взгляд — это были лучшие знаки эмансипации. Политический дискурс Просвещения как «выхода человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» (по известнейшему выражению Канта), затронул и физический облик человека. Буржуа презирали аристократов, которые шагу не могли сделать, не опираясь на какой-то предмет. А также они в буквальном смысле поднимались над низшими состояниями, над всеми теми бедняками, которые сгибались под тяжестью корзин, ящиков, мешков или ведер с водой, над всеми этими посыльными, носильщиками и служанками, которые переступали, покорно глядя себе под ноги.

Когда буржуазная «вертикаль» восторжествовала, лежать развалившись, вкушать покой стало стыдно. Прилечь позволялось только больным, а иначе человек был бы объявлен лентяем, от которого никакого проку в жизни нет. Такие аксессуары, как трость и цилиндр, подчеркивали социально-стратифицирующую семантику вертикали: цилиндр позволял владельцу казаться выше, чем он есть, и, кроме того, заставлял держать голову прямо. А трость на прогулке демонстрировала неприужденность буржуа: он просто может что-то носить, но не *должен* ничего носить.

Дискурс правильной походки затронул вскоре после французской революции ненадолго также и женщин, но все равно свободные прогулки оставались привилегией мужчин. Такие достижения женской эмансипации, как туфли без каблуков, продержались недолго, но тем не менее высокие каблуки становились все короче. Женская походка была семенящей. Из этого можно сделать вывод, что мужественность и женственность буржуазного века выражались в походке и движении.

Телесные практики — это часть работы по формированию и репрезентации самого себя. В результате этой работы субъект придает себе опознаваемую социальную форму и пытается отвести себе определен-

⁴ См.: Bernd J. Warnken, *Der aufrechte Gang*, Tübingen 1990.

ное место в обществе. Как только субъект делает прозрачным это свое инобытие, он начинает существовать уже как момент социальности. Все эти практики возникают вовсе не в безвоздушном пространстве, но во взаимодействии с общественными задачами, запросами и структурами власти. В этой перспективе буржуазная практика стройной ходьбы начинает выглядеть двусмысленно: с одной стороны, индивидуальная автономия отстаивается как противоположность феодальной гетерономии, но, с другой стороны, новый буржуазный порядок задается уже как общеобязательный. Этот новый порядок — господство разума над «деспотизмом желаний» (Кант).

Эту «политику себя» не следует сводить к популярным понятиям подавления и принуждения. Гораздо лучше будет говорить о «производительной дисциплине», которая обязывает и подстегивает возможности и способности тела, а вовсе не сдерживает их, не помрачает и не уничтожает⁵. Феодальное общество представлялось косным и неподвижным, а значит, буржуазное общество должно было стать сильным и ловким, поощряя индивидуальную инициативу, стремительность решений и готовность к любому делу. Уже в конце XVIII века были разработаны такие замечательные меры, как регулярные телесные тренировки. Так, филантроп И. Гутсмутс создал в 1793 году «Гимнастику для юношества» — это была естественно-научно обоснованная система упражнений, целью которой была систематическая или, лучше сказать, методическая рационализация тела и его движений на основании некоторых безусловных представлений о теле как о механизме. Тело должно было превратиться в совершенно функционирующую машину, но при этом работать не «машинально» — это была машина с человеческим приводом. Если аристократическая культура движений, скованная в жесткие формы скачек, фехтования или танца, настаивала на чисто эстетических качествах, таких как изящество и элегантность, то новые буржуазные тренировки тела ставили целью доработку и совершенствование образа тела — функционального тела, непринужденность которого должна была выразить либеральную идею. Такое требование нашло себя и в тогдашних руководствах по этикету: если аристократам прилична была телесная гибкость и ловкость, то признаками буржуазного духа были, напротив, смелость и достоинство.

«Техники себя» и «техники другого»

Новая буржуазная культура тела и культура движения вполне может пониматься как практика собственного субъективирования, «техника самого себя». Именно так французский философ Мишель Фуко называл техники, которые индивиды отбирают для самих себя, чтобы «уже собственными средствами осуществлять определенные операции со своими

⁵ Фуко Мишель. *Надзирать и наказывать*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 176.

собственными телами, со своим разумом, со своим собственным жизненным поведением». Именно так, согласно Фуко, и формируется и меняется отношение индивида к миру. Это — «техники индивидуального господства», «формы, в которых индивид воздействует на самого себя», чтобы самому выковать свое счастье, а точнее, реализовать идеальное состояние полной удовлетворенности (счастья, чистого ощущения, сверхъестественной силы)⁶.

«Техники себя» никогда не могут быть полностью свободны от общественных регулятивов, борьбы за власть и отношений господства, но они могут образовать им противовес. Между субъектом и теми общественными условиями, в которых он был конституирован, возникает разрыв, недопонимание и даже противоречие: «политики себя» — это «политики различения», они противопоставляют господству чужого практику усиления собственной власти. Именно в этом — политическая релевантность данных практик. Центральный локус этих практик — человеческое тело. Оно как сцена, на которой сталкиваются соперничающие силы, словно ораторы на площади: силы регулятивов, дисциплины и нормирования воздействуют на тело, но в зависимости от доступных им ресурсов индивиды могут придать своим телам свое обличье⁷. Практики придания себе формы — это не обязательно реализация противоположных принципов, но это всегда «неустраняемая противоположность» властного принуждения⁸.

От стройности к прямизне

Противостояние чуждой формы и самоформирования трудно привязать к какому-то определенному моменту. К началу XIX века филантропические общества сделали главными в своей работе принципы коллективной дисциплины и одновременно физического развития. С «националистическим поворотом» в педагогике успешно сочетался резкий переход от «стройности» к «прямызне»⁹. Историческим фоном послужили здесь милитаристские задачи, выдвинутые национальными движениями, боровшимися против наполеоновской оккупации. Новые военизированные государства не признавали ни непринужденности, ни легкости в обращении, но только стройность солдата. В гимнастических пособиях, изданных филантропами, сразу же появились упраж-

⁶ Michel Foucault, *Von der Freundschaft als Lebensweise*, Berlin 1984. S. 35 f; ders., *Technologien des Selbst*, Frankfurt / M. 1993. S. 26.

⁷ Volker Caysa, *Körperutopien*, Frankfurt / M. – New York 2003. S. 154; Wilhelm Schmid, *Von den Bio-technologien zu den Technologien des Selbst*. In: Gerhard Gamm / Gerd Kimmmerle (Hrsg.), *Wissenschaft und Gesellschaft*, Tübingen 1991. S. 130.

⁸ Фуко Мишель. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996. С. 162.

⁹ Bernd J. Warneken, *Bürgerliche Emanzipation und aufrechter Gang*. In: *Das Argument*, 179 (1990). S. 48.

нения гарнизонного типа под лозунгами единства, порядка и современности. Общее чувство коллективной тренировки вытеснило индивидуальную спортивную сноровку¹⁰.

Военно-спортивная дисциплина XIX века определяла характер всей немецкой телесной педагогики в XIX веке. Ее самые очевидные признаки: жесткие движения, приседания и подтягивание, сгибания и разгибания, добровольная муштра в едином коллективе. Все это быстро вошло в школу как необходимая для школьников правильная тренировка, и вскоре появились и особые военизированные ритуалы такой физической культуры. В мире работающих людей жесткие тренировки должны были способствовать формированию усердных школьников, послушных солдат, покорных служащих и не дающих себе послаблений рабочих. Телесный принцип «прямызни» получил двойственную форму «самовластного подчинения» (Бернд Юрген Варнекен), то есть власти над собой того, кто признал себя уже подвластным этой власти. Изменилось и место тренировок в социальных и политических процессах: если «народная гимнастика» Фридриха Людвиг Янса еще служила национально-революционному движению немцам в преддверии 1848 года, то лагерные тренировки конца XIX века должны были создать послушную нацию, не задающую вопросов, но готовую к коллективному действию. Такой спорт утверждал авторитарную мысль о теле, отводившую человеку строго определенное место в государстве.

Сходную функцию выполняли и национальные фестивали певцов, стрелков и гимнастов. Наравне с такими символами, как памятники, бюсты и медали, культура этих фестивалей отводила центральное место праздничному ощущению себя единой нацией (или, по Б.Андерсону, «воображаемым сообществом»). Коллективные жесты, когда физические упражнения проходили под звуки военного марша на уличной демонстрации, создали «обозримую нацию» и законопатили зияния между идеологией и современностью. Пластическое моделирование, наложенное на душевное воображение, сплело нынешний успех, общее происхождение и общий дух в единый конгломерат идей. Так кодировалось национальное самосознание; идея общества вызывала неизбежное одушевление, и возникали понятные всему народу образы¹¹. Отвлеченные представления о природном начале и спонтанные аффекты оформились в национальное движение, и само общество как нерушимое единство стало реальностью. К концу XIX века сложилась хореография сильных спортивных тел, в которой воплощена была идея единства и постоянного обновления нации. На первый план выдвинулась «натурализация» социальных и культурных разли-

¹⁰ Johann C. F. GutsMuths, Turnbuch für die Söhne des Vaterlandes, Frankfurt / M. 1817. S. 37.

¹¹ Ср.: Wolfgang Kaschuba, Die Nation als Körper. In: Etienne Francois u. a. (Hrsg.), Nation und Emotion, Gottingen 1995. S. 291–299.

чий: появилось «национальное» телосложение, «национальный» стиль поведения и столь же национальный «спорт» как наиболее характерная форма заполнения досуга. Каждая нация могла гордиться своей «особостью», и национализм вскоре сменился расизмом — ведь тела были уже не прежними единицами, но безличными носителями общей сущности «расы»: в физически развитых телах текла одна кровь, и красота их создавалась единством внешних признаков.

Спорт как здоровье

Одновременно с объяснениями общества по биолого-медицинским моделям и нациям с середины XIX века стали приписывать естественную, в научно-биологическом смысле, сущность. Такой метод исторически восходит к сложившемуся в раннее Новое время пониманию общества как «политического тела»¹². Но прежде никогда не ставилось задачи развивать эти тела на основе естественно-научных и технических достижений. Так, с оглядкой на допросвещенческие символы общего происхождения и общей крови формировался современный биологизированный государственный расизм.

Прежде всех прочих стран такой расизм получил разработку во Франции. С середины XIX века французские ученые описывали фактическую историю «великой нации» в биологических и медицинских терминах как неуклонное вырождение. Биологические и медицинские метафоры вскоре проникли в политику и общественное сознание. Теория «дегенерации» Огюста Мореля (1857) легко сочеталась с социалдарвинизмом и потом, вместе с открытием наследственности Грегором Менделем, превратилась в объяснительную схему политики, влияющую на мировоззрение людей. В этой теории заключалось не только сожаление по поводу срывов и вырождения общества, но также и надежда на то, что можно мобилизовать силы и энергию народа, рационально ими распорядиться и тем самым восстановить биологический ресурс нации. Главными здесь были представления о болезни как о распаде и о здоровье как о возрастании сил: если «политическое тело» больно, то можно вылечить его со временем, если социальные врачи применят надлежащие технологии. На основе тогдашнего естествознания и медицины было создано множество философских утопий совершенствования человека и общества, и все эти утопии были отмечены технократическим рационализмом. Эти воззрения повлияли и на государственные программы народного воспитания и народного здоровья, в конечном счете ведущие к «биополитике»¹³, то есть к государственному контро-

¹² Ср.: Thomas Etzemüller, *Die Romantik des Reißbretts*. In: *Geschichte und Gesellschaft*, (2006) 4. S. 448.

¹³ Фуко Мишель. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996. С. 244.

лю над рождаемостью и смертностью путем ограничения сексуальности «сверху» и официальной евгенике. Но также говорилось и о том, что главная угроза здоровью — это нищета и неустроенность большинства населения; и «снизу» раздавались многочисленные призывы к новому быту, к новой гигиенической культуре, которые были легитимированы под лозунгом «Реформа жизни» (*Lebensreform*).

Историческим фоном государственной биополитики было соперничество европейских национальных государств и других экономических единиц, колоний и «сфер влияния» за формирующийся тогда мировой рынок сбыта. Национальные государства смотрели на свое население как на военный и политический ресурс и много делали для физического развития и здоровья граждан. Для этой цели первоначально попытались учредить отрицательную евгенику, то есть исключить из общества нежелательных по своим качествам лиц («больных», «извращенцев» и «дегенератов» — к ним относились алкоголики, рецидивисты, сифилитики, умалишенные и др.): им теперь не полагалось оставлять потомство. Но нужно было сократить смертность, увеличить рождаемость, продлить средний срок жизни и добиться возрастания физических возможностей каждого индивида, поскольку он интегрирован в подразумеваемый «единый организм» тела нации. Так возникла другая, уже позитивная политика контроля над населением. Если ранние социал-дарвинисты полагались на естественные механизмы отбора, то приверженцами евгеники эпохи декаданса овладел страх перед вырождением. Именно в это время возникают первые институты социальной защиты: бесплатная медицина, призрение бедных и строительство экономичного жилья — с той единственной целью, чтобы избежать вырождения, сбивающего действие механизмов естественного отбора. Необходимо было направить эволюцию в направлении постоянного улучшения человеческого *генофонда*. И вот Фрэнсис Гальтон под влиянием «Происхождения видов» своего родственника Чарльза Дарвина разработал практическое применение принципа селекции. Евгеника стала считаться практичной политикой. Нормой сделалось развитие всей нации, которое подчинило себе диалектику индивида. Инвалиды детства и преступники в разных странах (США, Швейцария, Швеция и др.) подвергались принудительной стерилизации, чтобы не мешать производству здоровой нации.

После поражения в Первой мировой войне Германия стала развиваться по особому пути. Сразу сложилась коллективная иллюзия, что самые «ценные представители расы» пали в боях, тогда как «ничтожества» вернулись домой в целостности и сохранности. Такая национальная потеря, ставшая судьбой масс, призывала к тому, чтобы скорее заняться отбором достойных. В средних и высших школах стали агитировать за «расовую гигиену», возникли целые исследовательские институты евгеники. И наконец в 1920 году юрист Карл Биндинг и психиатр Альфред Хохе получили от бедствующей, растоптанной страны разрешение

распоряжаться малоценными жизнями¹⁴. По убеждениям главного сторонника евгеники — социал-демократа Карла Каутского, — высказанным еще в 1910 году, улучшение и развитие общества неотделимо от улучшения и развития природы, а это означает, что идея «отбора необходимых признаков» разделялась не только правыми, но и левыми. За этим стояли ясные гендерно-политические предубеждения: все медицинские, санитарные и карательные инновации испытывались прежде всего на женских телах.

Реформаторские движения, конечно, вот уже век развивались независимо от интересов государства. Но они также считали полезным для общества контроль над сексуальностью, здоровьем и гигиеной. Вся эта масса молодых политиков, приверженцев систем оздоровления, нудистов, физкультурников, вегетарианцев, разработчиков здорового питания, адептов абстиненции и любителей загородной жизни совпадала в одном: индустриализация и урбанизация наносят непоправимый ущерб телу и живой жизни. Люди ходят скованные корсетами и стоячими воротничками, болезненно подчиняют свои инстинкты существующему порядку и обычаям под угрозой наказания и всячески обузывают свое тело. Реформаторы мечтали об утопическом теле, которое станет полностью свободным в отличие от тела, подчиненного нуждам индустрии. Эти движения могли быть мотивированы мировоззренчески, социально-политически или медицински-оздоровительно, политически они были разнородными, но в любом случае все их реформаторские предложения сводились к необходимости оздоровления общества. Так как в сознании людей господствовали биологические представления об окружающем мире, то любая социальная критика часто растворялась в требовании «здоровья». Утопическое здоровое тело не знало никаких болезней, слабостей и возносилось над миром антисанитарии и нищеты.

Итак, у всех этих частных культурных движений возникла очень мощная связка — миф о здоровье, рельефность которому придавало постоянное чувство страха перед наличными социальными угрозами. Утопия здорового тела была неразрывно связана с мечтой об обновленной культуре, в которой не будет уже отчуждения человека от природы, изматывающего физического и умственного труда, зависимости каждого лица от анонимных сил рынка и государства, равно как и всех признаков современного вырождения. Личность должна возродить себя на основе новых человеческих технологий, прежде всего здорового образа жизни, став тем самым прообразом реформы всего общест-

¹⁴ См.: Wolfgang F. Haug, Das historische Syphilis-Paradigma und die Gefahr eines analogen AIDS-Paradigmas der Moral – Vorschläge zur sozial-moralischen AIDS-Folgenabschätzung. In: Deutscher Bundestag (Hrsg.), AIDS: Fakten und Konsequenzen. Endbericht der Enquete-Kommission des II. Deutschen Bundestages Gefahren von AIDS und wirksame Wege zu ihrer Eindämmung, Bonn 1990. S. 78–89.

ва, в результате которой будет создан новый человек как ячейка нового общества. До сих пор здоровый образ жизни и отказ от лекарств основываются на этот влиятельнейшей традиции «культуры свободного тела», которая, скажем, в ГДР после 1949 года развивалась в рамках неорганизованных массовых движений: культ «естественности» в ГДР был, как ни странно, явно сильнее, чем на Западе.

К концу XIX века специалисты по гигиене, общей и спортивной медицине стали видеть в гимнастике, тренировках и массовом спорте главный инструмент позитивной евгеники. Они говорили, что благодаря спорту общество обновляется телом и духом, нация становится крепче и что, пока школьники слишком перегружены умственной работой, общество не станет по-настоящему сильным. Но специалисты расходились во мнениях, какая модель должна быть положена в основу воспитания нации. Французские ученые, такие как Филипп Тисси или Жорж Демени, настаивали на накачивании мускул и беге; они считали, что всякие крайности, драматизм, борьба и зрелище только дискредитируют настоящую физическую культуру. В отличие от пропагандистов буржуазной идеологии труда, они считали усталость (*fatigue*) *не барьером, который ограничивает производительность труда и потому должен быть преодолен*, но естественным указанием на поставленные самой природой пределы для физических тренировок. Они агитировали за массовые гимнастические занятия рабочих по образцу «рациональной» шведской гимнастики Франца Нахтегала и Пер Генрика Линга. В Германии, напротив, многие ученые считали, что гигиеничны только те тренировки, которые развивают силу, ловкость и самообладание, потому предпочитали силовую гимнастику с употреблением снарядов.

Появление атлетов

Благодаря такой цепи подмен и появилась, прежде всего во Франции, фигура спортсмена-атлета как нового героя сцены. Этот образ наилучшим образом воплотил в себе двойное зрение (модерное и антимодерное), направленное на ускоренную модернизацию. Вступая в сообщество атлетов, человек рвал со своими историческими корнями и заявлял неожиданно о своей принадлежности к античной традиции. Но также сторонники атлетизма верили в миф о неуклонном научно-техническом прогрессе. Поэтому, с одной стороны, стройный атлет возвышался на обломках изящной античности, а с другой стороны, становился живым примером удивительно современной красоты и натренированности, доступной только современному организму. Атлеты стали первыми иконами масс, потому что несли в себе идею безграничных возможностей человека и развития в человеке лучших способностей¹⁵.

¹⁵ Ср. Philipp Sarasin, *Reizbare Maschinen*, Frankfurt/M. 2001. S. 324 ff.

Бесспорно, на всемирную сцену эта социальная фигура вышла в дни первых Олимпийских игр. Основатель олимпийского движения, неутомимый французский аристократ барон Пьер де Кубертен хотел дать миру новую, современную религию — «олимпийскую идею». Такая биополитическая «религия мышечной силы» должна была дать новые ориентиры человечеству, сбитому с толку ростом скоростей и разочарованному состоянием морали. Вырождению декаданса следовало противопоставить новое «здоровье»¹⁶. В отличие от специалистов по гигиене и физическому развитию, Пьер де Кубертен считал наилучшим средством оздоровления *соревновательный спорт*, возникший в Англии и успешно сочетающий индивидуальное и коллективное начало. Он считал, что борьба в спорте — явление того же духа, что и конкуренция в современной экономике: они и структурно однотипны, и психологически равновесны. Спортивная погоня за рекордами — это коренное свойство современного человека, которого теперешняя жизнь готовит к неустанной борьбе. Благодаря участию в соревновании человек высвобождает свою индивидуальную энергию и наполняет стареющую цивилизацию дыханием мужества и молодости.

Радикализм Кубертена состоял в том, что он одарил атлетов, со всего света собравшихся на олимпийскую церемонию, искусным восторгом и харизмой, взятой из учебников истории. По точному выражению социолога Макса Вебера, Олимпийские игры — это «повторное заколдовывание» современности: это сцена, на которой индустриальное общество выставило господствующие в нем образные идеалы, выражая к ним свою аффективную приверженность. Олимпийские игры связали романтическую тоску по единству, целостности и духовному смыслу с современными утопиями безграничного совершенствования тела, когда соревнование считается двигателем прогресса. Анахронизм самих Олимпийских игр стал дополнительным фактором привлекательности. Когда сейчас жалуются, что Олимпийские игры превратились в игрушку массмедиа, то при этом замалчивается, что с самого начала они были типичным рекламным мероприятием. Сначала Пьер де Кубертен агитировал за улучшение физической формы французов, а после — за создание международной «элиты действия». Что делать, если теперь больше всего востребованы зрелища сверхчеловеческих возможностей и эротика со спортивными аксессуарами.

Спорт и восстановление национальной идентичности

Хотя начиная с XVIII века образ прекрасного тела создавался прежде всего по моделям классической гармонии, понятие «телесного здоровья» обязано физиологии, экспериментальной психологии и эргоно-

¹⁶ См. специально: Thomas Alkemeyer, *Körper, Kult und Politik*, Frankfurt/M. — New York 1996.

мии, в которых с начала XX века центральными категориями при описании тела, не знающего болезней, стали «энергия», «эффективность» и «рекорд». Олимпийскому высокому спорту оставалось только легитимировать этот идеал. Машины постоянно выступали моделями тела, берем ли мы зарядку, тягу к естественному здоровью или евритмические и спиритические утопия, — естественная телесность становилась просто биополитическим поводом к наилучшему распределению жизненных сил.

В Германии Первая мировая война заставила увеличить заботу о теле. Массовый и профессиональный спорт, гимнастика, бодибилдинг, танцплощадки и ревю, конкурсы красоты, помешательство на диете — все это служило тому, чтобы противопоставить бедствиям войны массмедийный идеал прекрасного, сильного и здорового тела как основу нового национального самосознания. Военная патетика с памятниками героям, их торжественными похоронами и прославляющими их одами и повестями имела своей изнанкой общественную маргинализацию инвалидов войны¹⁷. Документы представляют нам миллионы погибших и искалеченных солдат, тогда как культурные практики и образы показывают упругие и сильные тела национального обновления. Показательным здесь является документальный фильм Вильгельма Прегера (1924, студия УФА) «Пути к силе и красоте». Прегер вместе со своим ассистентом Николасом Кауфманом из Берлинской «Харите» представил массовому зрителю почти все формы тогдашнего спорта как решение «проблемы вырождения» индустриального века. Строй энергично движущихся тел пластическими средствами внушал мысль о скором возрождении Германии¹⁸. Тогда искалеченные тела жертв войны могли в этом медийном пространстве свидетельствовать только о разрушительной силе индустриальных технологий войны.

Разнообразие концепций тела времен Веймарской республики — в диапазоне от слаженно движущихся атлетов до эстетики танца — имело только одно общее: за пределы кадра выносилось все инвалидное, патологическое, ужасное и отвратительное. Конечно, такие «антиобразы» тоже встречались, прежде всего в карикатурах, но они и связывались с маргинальными группами: сутулыми и неприкаянными чернорабочими, с евреями и пролетариями. Общепризнанный идеал телесности равнялся только на спорт: мужчины с гладко выбритыми и словно вырубленными из камня лицами, мускулистым телосложением выступали в рекламе как «модели успеха». В модных женских журналах появилась спортивно развитая «новая женщина»: коротко стриженная, с бритыми ногами — это была полная противоположность традиционному образу женщины-матери и хозяйки.

¹⁷ См.: Sven Reichhardt, *Gewalt, Körper, Kult.* In: *Geschichte und Gesellschaft*, Sonderheft 2 (2005). S. 205–240.

¹⁸ Vgl. Michael Cowan, *Imagining the Nation through the Energetic Body.* In: Michael Cowan / Kai Marcel Sicks (Hrsg.), *Leibhaftige Moderne*, Bielefeld 2005. S. 63–80.

Блеск и красота уничтожения

Образы и метафоры телесного добавляют осмысленности и эмоций политическим процессам и, более того, активизируют неосознанное содержание политики. Из культа спортивных мужских тел частично произошло и национал-социалистическое государство, которое все свои открыто-репрезентативные сценарии основывало на непосредственном ощущении спортивного тела, не обремененного рефлексией, историческим чувством, сочувствием и тоской. Принцип стройности, который, как мы видели, уже в XVIII веке знаменовал суверенитет и автономию буржуа, достиг после 1933 года наивысшего подъема и одновременно наивысшего спада. Блестящие глаза, сильный подбородок, широкая грудная клетка, подтянутый живот и мускулистые ягодицы — вот марш СА, СС и Вермахта, стройный, четкий шаг новых хозяев истории. Строгая геометрия марширующих тел означала высочайшую самодисциплину и общую силу, которая равняет всех в мощи спланированного действия. Близкий и весьма двусмысленный принцип композиции наблюдается и в высящихся скульптурных изображениях мужских тел в движении, созданных официальными художниками, такими как Арно Брекер и Йозеф Торак. Скульптура, вознесенная на пьедестал, настаивает на автономии иконографического изображения, но постановочные позы и слишком «панцирная» мускулатура невольно показывают скованность движений этих фигур. Эти тела кажутся телами одновременно победителей и побежденных. Спортивный идеал самодостаточного, могущественного мужского тела, сурового, как сталь, и к себе, и к другим, вдруг неожиданно заострился против самого себя и предстал в своем апофеозе символом подчиненного положения. Тела марширующего коллектива так же точно, как и сверхиндивидуальные единства монументальных городских сооружений, являли самодисциплину, но вся эта дисциплина была полностью подчинена вышестоящему интересу. Это тела «подчинения в форме подтянутой стройности», тела самоконтроля, давно переведенного под контроль государства¹⁹.

Как и представительские здания Третьего рейха, так и маршевые инсценировки «поворотного» 1936 года ориентировались на излюбленный с XVIII века бюргерский идеал классической отрешенности и гармонической завершенности, в котором выразилась вся буржуазная тоска по подлинному благородству. Подтянутые, гладкие, лишенные каких-либо изъянов бронзовые фигуры Арно Брекера воспроизводили не только динамику и научные достижения современного спорта, воплощенные Вилли Баумейстером, но также и богатые, лишенные пор каменные изваяния народных мастеров, таких как Карл Альбицер и Джозеф Вакерле, которыми и было оформлено спортивное про-

¹⁹ Wolfgang F. Haug, *Faschisierung des Subjekts*, Berlin 1986. S. 178.

странство Рейха в дни Олимпийских игр 1936 года. Бронзовые фигуры Брекера несли в себе классический идеал совершенства, обращаясь к робкой и боязливой толпе, которая при этом уже исподволь тянулась к другому идеалу — бодибилдингу. Такая структура предпочтений зрителей определялась и противоречиями в самой традиции: с одной стороны, предметом поиска художников была свобода тела от пут цивилизации, а с другой стороны, публика не желала видеть слабые, беспомощные и уязвимые тела, которые напоминали об унижительном поражении в Первой мировой войне, гипнотизируя страхом еще раз быть поверженными.

Символический ряд этого искусства строился на однозначных противопоставлениях: прекрасное / безобразное, прямое / согбенное, сильное / слабое, цельное / искаженное, здоровое / больное. Особенно отчетливо власть этих противопоставлений проявилась во время кампании против «дегенеративного искусства» (1937). Если бросить даже беглый взгляд на выставку, куратором которой стал рейхсминистр народного просвещения и пропаганды, то мы сразу увидим, что дегенеративным искусством объявлялось любое, в котором тела были не «целыми», а «искаженными». Мы находим изображения человеческих лиц и тел, созданные такими мастерами модернизма, как Отто Фрейндлих, Отто Дикс, Эмиль Нольде, Макс Бекманн и Георг Грош. Также на выставке были представлены изображения тел, которые отвечали классическому канону, с анатомической точностью, но передача тела была сочтена натуралистической в том случае, когда все его особенности становятся сразу заметными. Так изображались калеки, вернувшиеся с фронта, и трупы на месте взрыва, смиренно согбенные фигуры христианской веры, проститутки или посетители кабаре, от которых в экспрессионистском порыве остались одни смутные силуэты, фронтовые бои с их беспощадностью, образы страдающих, слабых и обессилевших людей — хрупких жертв существования, — одним словом, все те образы, в которых «ставилось под вопрос, подразумевает ли художественное единство целое и невредимое тело»²⁰. Заклейменное искусство было откровенно связано с эстетической программой модернизма и с той спонтанностью тела, которая была открыта в джазовой культуре 1920-х годов, когда отдельные части тела действовали словно бы обособленно и идея отрешенного и замкнутого тела сменилась образом многоцентрового изображения телесных впечатлений. В нацистское время существовала молодежная субкультура «свингюендов», которые разбавляли официально предписанную подтянутость свободным танцевальным и бытовым поведением. Эти «свингующие бездельники» артикулировали в своем образе жизни оппозиционную культуру тела: стройное тело было враждебно им как знак военной героики и борьбы.

²⁰ Silke Wenk, *Aufgerichtete weibliche Körper*. In: Klaus Behnken / Frank Wagner (Hrsg.), *Inszenierung der Macht*, Berlin 1987. S.104.

С 1936 года изображения искалеченных тел сравнивались официальными донесителями с хаосом. Все печатные и изобразительные медиа были обязаны клеймить такие изображения тел как культурную манифестацию Веймарской эпохи, как искусство «больное», «еврейское» и «примитивное», как вылазку «культурного большевизма» и отражение «расового хаоса».

Концепция выставки «Дегенеративное искусство» во многом восходит к фельетону Пауля Шульце-Наумбурга «Искусство и раса» (1928). Целью автора памфлета было дискредитировать модернистское искусство наглядными средствами: Шульце-Наумбург поместил рядом репродукции авангардистских работ Пабло Пикассо, Оскара Кокоски, Карла Шмидта-Ротлуфа и др. и фотографии рисунков психически больных. Выставка 1937 года воспользовалась тем же приемом. На этой, если можно так сказать, антимузейной выставке, призванной опозорить изображение искаженных тел, побывало более двух миллионов посетителей. Одновременно с ней прошла «Первая большая германская художественная выставка», представлявшая «новое искусство национал-социализма». Такие нацистские художники, как Рихард Клейн и Адольф Циглер, выставили в только что отстроенном Доме немецкого искусства свою версию телесной красоты. Дом искусства, с его античным портиком, должен был стать вознесенным над повседневностью, ауратическим храмом красоты. Две выставки дополняли друг друга. По замыслу строителей, публика должна была пластически усвоить два основополагающих лозунга нацистской политики в отношении населения: «выбраковка худших» и «отбор лучших». Фантазия работала сразу в двух направлениях: «они разрушают всякий порядок, а эти утверждают реальную силу»²¹.

Среди образов нового человека был выставлен и «Десятиборец» Арно Брекера — полная противоположность моделям «дегенеративного искусства». Торжество спорта, «признаки крепкого здоровья», внушало, что цели нацистской политики будут уже скоро достигнуты²². И война против всякой слабости и всякого уродства становилась частью спортивного движения, направляемого идеологией национал-социализма.

Художники и художницы нацизма, как Арно Брекер или Лени Рифеншталь, после 1945 года настаивали, что их искусство не имеет ничего общего с политикой: их интересовала абсолютная, изъятая из потока времени красота и простое, естественное здоровье тел. Но если учитывать нацистскую политику в отношении населения, то станет понятно, что красота здоровья не столь уж невинна. «Отборные» идеальные тела, вплетаясь в плотную биополитическую сеть дискурсивных, институцио-

²¹ S. Wenk, ebd., S. 113; Kathrin Hoffmann-Curtius, Die Kampagne «Entartete Kunst». In: Deutsches Institut für Fernstudien an der Universität Tübingen (Hrsg.), *Funkkolleg Moderne Kunst. Studienbegleitbrief 9*, Weinheim / Basel 1990. S. 61.

²² Waldemar Hartmann, Die rassistischen Grundzüge deutscher Kunst. In: *Nationalsozialistische Monatshefte*, 4 (1933). S. 228.

нальных и практических разграничений социального и асоциального, высокого и низкого, правильной расы и отверженной расы, приобрели масштаб «здоровой нормальности», в сравнении с которыми все остальное начинало казаться ненормальным. В век технической воспроизводимости искусства эти изображения должны были изгнать «уродливое» и из повседневной жизни.

В статье 1943 года биолог Конрад Лоренц, пытавшийся научно обосновать искоренение малоценных особей на примере естественного отбора, поместил в качестве иллюстрации репродукцию одной из статуй Брекера («Дионис», 1940). Как объясняет историк искусства Клаус Вольберт, это был «научный» вклад Конрада Лоренца в уничтожение во имя красоты: только совершенное свято, а уродливое — это по определению носитель злокачественных симптомов и потому должно быть устранено²³.

Фитнес как самодеятельность

Нацистские биополитики, стремясь поставить под контроль все население, пытались воздействовать и на частную заботу о теле. Прямо высказанная угроза сегрегации или даже уничтожения делала призыв к «заботе о себе» особенно впечатляющим. Такое «освоение» тела вышестоящей властью вызвало к жизни историческую оппозицию, которая противопоставила господствующему идеалу тела альтернативные, во многом противоположные образы и практики телесного. Конечно же, верховная власть отвечала на такое «восстание тела» новыми, более гибкими формами контроля, например лозунгом: «Можете спокойно носить открытую одежду, но пусть ваше тело будет стройным, прекрасным и загорелым!»²⁴. В послевоенное время, особенно в 1968 году, сохранявшиеся нормы морали и повседневной жизни столкнулись с самодеятельной непринужденностью, выражениями телесной свободы. Молодежь смотрела на свои тела как на подручное средство индивидуальных удовольствий, пусть даже разрушительных, но непохожих на дисциплину на фабрике, в школе и армии.

Однако через некоторое время возник новый культ тела и здоровья. Он адаптировал прежний вольный стиль и риторику удовольствия и стал частью тогдашнего движения в сторону новых меритократических идеологий с их «мягким господством». Логика этого нового спорта — психофизический самодизайн, готовящий человека к противостоянию рискам конкурентной борьбы на рынке труда и рынке эротических удовольствий (заметим, что оба рынка не поддаются калькуляции).

В современном рыночном обществе весьма изменилось отношение между государственной политикой (политикой другого) и частной

²³ Klaus Wolbert, *Die Nackten und die Toten des «Dritten Reiches»*, Giefien 1982. S. 231 f.

²⁴ Ср.: Michel Foucault, *Mikrophysik der Macht*, Berlin 1976. S. 107.

политикой (политикой себя). Многие функции, прежде осуществлявшиеся только государством, теперь переданы индивидам. Переопределение роли государства должно было свести на нет вмешательство государства в телесные процессы. Такие общественные риски, как болезнь, безработица или нищета, трансформировались в проблемы самообеспечения «ответственного» и «рационального» субъекта, а значит, эти вопросы, исходя из наличного времени, сил и внимания, решаются как вопросы здорового образа жизни и ухода за телом.

Это означает, что тела сегодня по-прежнему регламентируются обществом, но сам принцип регламентации (*regulierenden Kräfte*) изменился. Движущие силы конструирования, бдительности и производительности, признанные обществом и создававшие прежде «терпение тел», переместились от государства к рынку, что повлекло за собой целый ряд последствий для индивидов, которые теперь все поголовно должны были заняться «телесным менеджментом»²⁵. В той мере, в какой неограниченная социальная конкуренция и новое социальное неравенство все меньше сдерживаются государством, само тело индивида становится сдерживающим фактором. В центре биополитических практик поэтому стоит уже не «колоссальное тело общества», но тренировка индивидуального *body*²⁶. Собственное тело становится самым лучшим медиа и площадкой *self-esteem*. Тело вызывает в своем обладателе мечту о его совершенствовании. Как раз в мелкобуржуазном обществе, где амбициозные надежды индивида на карьеру и страхи социальной неудачи питают друг друга, вырабатывается трепетное отношение ко всяким телесным недочетам. В этой среде очень важно презентировать *собственное* тело и подчеркнуть его отличие от всех прочих тел. Практики «новых буржуа» включают в себя обучение танцам и этикету, светское общение (*smalltalk*), послушание в школе, домашние уроки музыки и обязательное ношение галстука с малых лет — все это суть попытки с помощью формальностей, условностей и символов отделить себя в непростой современной ситуации от «низов» и утвердить собственный статус.

Уже давно эти отчетливые стратегии самоутверждения не ограничиваются только одеждой и косметикой, но, можно сказать, «проникают под кожу». Речь идет о перипетиях техник «моделирования самого себя» — от режима питания до пластической хирургии. И все эти операции создают один образ — спортивного тела. Всякое такое «оформление» себя показывает главные жизненные установки личности: заботу о собственном здоровье, самодисциплину, волю к стилю. Кто не может держать под (визуальным) контролем собственное тело, тот сам признает себя неудачником и может быть назван хлип-

²⁵ См.: Zygmunt Bauman, *Politischer Körper und Staatskörper in der flüssig-modernen Konsumentengesellschaft*. In: Markus Schroer (Hrsg.), *Soziologie des Körpers*, Frankfurt/M. 2005. S. 189–214.

²⁶ Johann S. Ach/Arnd Pollmann, *no body is perfect*, Bielefeld 2006. S. 11.

ким, уродливым и, в общем, лишним для общества. Тела становятся неподдельной «визитной карточкой» принадлежности к клубу любителей физической культуры, думающих только о самосовершенствовании, они свидетельствуют о своеобразной профпригодности (*employability*). Как показывают результаты проведенных исследований, спорт, фитнес и веллнес — это господствующие практики среднего класса. Курение, неправильное питание, лишний вес — верные признаки низшей социальной прослойки.

Социальные различия прямо-таки читаются на теле: гибкие и накаченные тела излучающего здоровье успешного класса — полная противоположность неухоженным и нездоровым телам класса неудачников. Но при турбулентных переменах социального пространства различные периоды существования людей как бы накладываются друг на друга. Традиционная мелкобуржуазность, для которой вся жизнь — семья, дом и огород, вдруг перерождается в «современный перформанс» (по выражению социологов из *Sinus Sociovision*), когда требуется демонстративно экспериментировать с собственным телесным обликом и стилистикой. В такой среде тело становится, в совершенно новом историческом масштабе, объектом самоконструирования (*Selbstgestaltungen*). Постоянно взрывающийся новинками рынок чутко реагирует на любые запросы, связанные с телесным имиджем, и сам уже предлагает продукцию, меняющую режим обслуживания тела. Актеры рынка могут, руководствуясь своим социальным вкусом, выбрать все, что им подходит, и тем самым вознаградить себя собственной режиссурой узнаваемого телесного стиля. «Совокупное» стиля включает в себя дресс-код, украшения, татуировку, пирсинг, аксессуары — все это «моделирует» тело, делая его заметным. Стиль должен быть в чем-то вызывающим, он должен обозначать и социальную принадлежность лица, и его представления о жизни. Социальное позиционирование и выражение внутреннего содержания вынесено теперь за пределы обнаженного тела в область одежды и модных аксессуаров. Причем такая одежда уже не прячет тело, а, напротив, подчеркивает его красоту и мускулистость. Тело, сама форма которого изменилась после интенсивных тренировок, стало важнейшей частью субъекта: это видимая «социальная форма личности»²⁷.

Парадоксальным образом личность не всегда видна в этой форме. Раз личность создала себе *образ*, то сам этот образ стал прикрытием, которое нужно еще долго расшифровывать²⁸. Чем сильнее акцентированы физиогномические детали (гладкий живот, аскетические черты лица, кульная жестикация) и вынесены на обозрение публики, тем больше субъект прячется за своей физической маской. Тут есть два

²⁷ Gunter Gebauer, Von der Körpertechnologisierung zur Körpershow. In: Volker Caysa (Hrsg.), Sportphilosophie, Leipzig 1997. S. 285.

²⁸ Ср.: Jürgen Raab/Hans-Georg Soeffner, Körperlichkeit in Interaktionsbeziehungen. In: M. Schroer (Anm. 25). S. 166–188.

аспекта: с одной стороны, это следование господствующему на рынке образу «капитана собственного стиля жизни» (Ульрих Бек), а с другой стороны, сопротивление уравнивающим тенденциям. Маскарад телесного самоконструирования заменяет давно разрушенные границы между частным и общественным, которые и определяли в прошлом конфигурацию буржуазного общества.

При этом сопротивление натренированного тела может быть не таким уж прочным. Пока тела чеканились современной индустрией, на скоростном конвейере, в ритмичном шаге марширующих колонн, за жесткой партой и в приседаниях и отжиманиях коллективной гимнастики, они еще подлежали нормированию и учету. Но теперь появился новый образ жизни, гибкого менеджмента самого себя, поощряющий самые немислимые эксперименты. Свобода предпринимательской инициативы в отношении к самому себе требует теперь постоянной готовности ко все новым аранжировкам тела: это «ничем не сдерживаемая эластичность, которая должна быть готова (...) к любому повороту судьбы»²⁹. Среди лозунгов, выдвинутых для решения затрагивающих все общество проблем, лидируют «Эластичность», «Мобильность», «Креативность» и «Фитнес» — это четыре ключевых слова новой идеологии. Конечно, до конца нельзя быть уверенным, не переменятся ли ожидания и не будут ли отозваны лозунги еще прежде их воплощения, и, значит, покоя нам ждать нечего. Всякое единство меняется и открывает себя новым изменениям, и новый господствующий принцип — это принцип не понижения, но постоянного повышения требований к себе.

На пике антитрадиционализма, который овладел теперь средним классом, теперь с очевидностью просматривается поиск тех техник тела, благодаря которым акторы смогут отказаться от привычных бытовых форм и приобрести новые телесные параметры. Верхушку айсберга образуют так называемые экстремальные виды спорта, которые с некоторого времени с небывалой яростью вышли на свет. Эти виды спорта превращают в сцену все окружающее пространство и демонстрируют желание сломать все рамки привычного. Тела приобретают теперь новое агрегатное состояние: они освобождаются от своей твердой и инертной материальности, гарантировавшей надежность, от своей прежней крепкой брони и превращаются в пластическую массу для моделирования. Если дисциплинированные тела в школе, на фабрике или в гимнастическом зале репрезентировали идеальный субъект индустриального века, то оптимизация собственного тела на занятиях по фитнесу и рискованные практики скольжения, прыжков и лазания парагматически воплощают дух и настроение нового, «текучего» капитализма.

Уже в XVIII веке посланцы биополитики заявили просвещенным гражданам, что можно достичь гармонии «машины тела» путем собст-

²⁹ Hubert Treiber / Heinz Steinert, Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen, Munster 2005. S. 15.

венных усилий регулирования. «Виртуальная программа саморегуляции» (Филипп Саразин) была в наши дни воспринята либеральной идеологией предприимчивого *self*, которое все привлекает к себе и делает гибкой любую необходимость, даже не делая никаких особых заявлений. Риторы и практики саморегуляции говорят о новом измерении формы субъективации, когда *self* моделирует себя из свободно отобранных элементов, достигая всякий раз порога новых ожиданий. Но такая форма субъективации внутренне противоречива. Как только начинает реализовываться утопический потенциал саморегулирования, сразу же возникает возможность оптимизировать и знание о себе. А это означает, что субъект до конца подчинит себя новому «принципу господства» — принципу постоянно повышающихся требований к себе.

Перевод с немецкого Александра Маркова